

ПОТЕРПЕВШИЙ И ЕГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬ КАК УЧАСТНИКИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ДО СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА

Аннотация. Предлагается анализ исторического развития форм участия потерпевшего (истца) и его представителя в отечественном уголовном судопроизводстве с древнейших времен (от Русской Правды) и вплоть до Великой судебной реформы императора Александра II 1864 года. Исследование направлено на выявление тенденций, а также исторической преемственности в регламентации процессуального положения потерпевшего (истца) и его представителя, а также зависимости процессуального положения потерпевшего от принятой в тот или иной исторический период формы судопроизводства. Исследование проведено с использованием сравнительно-правового и исторического методов на основе анализа широкого круга исторических правовых актов — международно-правовых договоров Руси, Русской Правды, Судебников 1497 и 1550 годов, Соборного уложения 1649 года, Свода законов Российской империи и других.

Делается вывод, что на процессуальном положении потерпевшего в тот или иной период развития российского государства и права самым непосредственным образом сказывалась принятая форма судопроизводства, то есть в конечном счете соотношение частных и публичных начал при осуществлении правосудия. Если изначально от воли и усмотрения потерпевшего (истца) в полной мере зависел весь ход процесса, то с укреплением государственности, которая в тот период неизбежно вела к усилению политического угнетения личности, возникает и развивается порядок сыскной (инквизиционный), при котором потерпевший утрачивает какие-либо возможности влиять на ход дела.

Ключевые слова: потерпевший, истец, представитель потерпевшего, уголовное судопроизводство, процессуальное положение, участники уголовного процесса, исторические формы судопроизводства.

DOI: 10.17803/1729-5920.2016.111.2.175-183

На процессуальном положении потерпевшего, впрочем, как и других участников процесса, в тот или иной период развития российского государства и права самым непосредственным образом сказывалась принятая форма судопроизводства, то есть в конечном счете соотношение частных и публичных начал при осуществлении

правосудия. Если «наш древний процесс носил частно-исковой характер»¹, и от воли и усмотрения потерпевшего (истца) в полной мере зависел его ход, то с укреплением государственности, которая в тот период неизбежно вела к усилению политического угнетения личности, возникает и все более развивается порядок

¹ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Альфа, 1996. Т. 1. С. 32. Такого же мнения придерживаются и современные исследователи (см., напр.: Исаев И. А. История государства и права России: полный курс лекций. М.: Юристъ, 1995. С. 19).

© Юношев С. В., 2016

* Юношев Станислав Викторович, доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета (СамГУ) [svyunoshev@gmail.com]
443011, Россия, г. Самара, ул. Академика Павлова, д. 1

сыскной (инквизиционный), при котором потерпевший хотя и продолжает формально именоваться истцом, но реально утрачивает какие-либо возможности влиять на ход дела. Этому длительному историческому процессу и посвящен данный раздел нашего исследования.

Изначально во времена родового построения общества одним из основных способов ликвидации конфликта, то есть обиды, нанесенной кому-либо из членов рода членом другого рода, была кровная месть. Поэтому в те давние времена лицо, пострадавшее от преступления, выступало как мститель. Равным образом мстил и весь его род. С развитием государственного устройства общества обычай кровной мести видоизменялся, но в целом оказался настолько живучим, что еще долго не был изжит даже в условиях раннефеодального государства. Указание на кровную месть мы находим и в ст. 4 Договора 911 года между Русью и Византией² и в ст. 13 аналогичного Договора 944 года³. Причем, по прямому смыслу названных статей, кровная месть выступает здесь как «закон русский», то есть обычный порядок вещей.

Русская Правда, а именно ее древнейшая часть — Правда Ярослава, относимая к началу XI века, также допускает кровную месть, но уже с такими ограничениями, что она во многом теряет свой первоначальный характер. Прежде всего, это выражается в ограничении круга возможных мстителей ближайшими родственниками убитого: «Убьеть мужь мужа, то мстить брату брата, или сынови отца, любо отцю сына, или брату чаду, любо сестрину сынови...» (ст. 1 Краткой редакции Русской Правды)⁴. Данные ограничения круга мстителей исследователи связывают с превращением родовой общины в соседскую, распадом кровно-родственных

связей⁵. Кроме того, закон вытесняет практику самовольной расправы с преступником, т.к. свою санкцию на кровную месть дает князь, и это положение впервые закреплено в ст. 1 Правды Ярослава. Кровная месть по Русской Правде, таким образом, носит характер переходный от непосредственной расправы рода к наказанию, налагаемому и исполняемому государственным органом. Усиление государственного начала в разрешении возникающих конфликтов ярко проявляется и в том, что согласно той же ст. 1 Правды Ярослава в случае отсутствия мстителя убийца должен уплатить денежный штраф в пользу князя. Таким образом, налицо к тому же фискальный мотив ограничения круга мстителей.

По мнению исследователей, в целом весь строй процесса по Русской Правде являлся, бесспорно, состязательным⁶. Состязательная форма борьбы сторон естественно выросла из тех методов разрешения конфликтов, которые существовали еще в эпоху родоплеменных отношений. Обвинитель и обвиняемый назывались истцами и пользовались равными правами. Дело могло быть начато только по жалобе или челобитью потерпевшего, его семьи или рода. Уголовный и гражданский процессы не различались. Как указывает М. А. Чельцов-Бебутов, «можно сказать, что каждый “иск” являлся, в сущности, “обвинением”»: всякое притязание носило деликтный характер»⁷.

В Русской Правде мы не находим каких-либо упоминаний о судебном представительстве, но следует учитывать, что постановления Русской Правды не исчерпывают полностью норм о судопроизводстве той эпохи. Значительная роль как источникам таких норм принадлежит созданным позднее судным грамотам,

² См.: Памятники русского права / под ред. проф. С. В. Юшкова. Вып.1. Памятники права Киевского государства X–XII вв. М. : Госюриздат, 1952. С. 7.

³ См.: Памятники русского права. С. 33–34.

⁴ Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 1 : Законодательство Древней Руси. М. : Юрид. лит., 1984. С. 49.

⁵ См.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 49.

⁶ См., напр.: *Фойницкий И. Я.* Указ. соч. Т. 1. С. 32 ; *Чельцов-Бебутов М. А.* Курс уголовно-процессуального права. Очерки истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб. : Равена, Альфа, 1995. С. 634.

Однако противоположной точки зрения придерживается С. В. Юшков: «По делам о преступлениях против княжеской власти применялись формы следственного процесса. Сами князья и их агенты вели следствие и сами судили» (см.: *Юшков С. В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. М. : Госюриздат, 1949. С. 522).

⁷ *Чельцов-Бебутов М. А.* Указ. соч. С. 642.

в которых институт судебного представительства представлен достаточно широко. Так, ст. 5 Новгородской судной грамоты, датируемой серединой XV века, устанавливает, что стороны, имевшие представителей в судебном процессе, должны были иметь дело только с ними: «а кто кого в суду посадит, ино тот с тем и ведается»⁸. В статьях 18 и 19 определяется участие в процессе специального представителя, именуемого ответчиком. Устанавливается, что представитель (ответчик) стороны в процессе, равно как и свидетель (послух), должны были приносить присягу. В статье 21 той же судной грамоты, говорящей о правилах ведения протокола судебного заседания, предусматривается, что судебные дьяки должны были записывать выступления участников процесса, именуемых «розказщиками». А последние должны были ознакомиться с записью и в знак согласия с нею приложить свои печати. Здесь следует уточнить, что понятие «розказщика» в науке спорно. Известнейший исследователь права той эпохи М. Ф. Владимирский-Буданов полагал, что «розказщики» — это стороны и их представители⁹. Таким образом, в Новгородской судной грамоте мы уже находим не только нормы, допускающие участие представителей сторон в судебном разбирательстве, но даже и нормы, определяющие некоторые их процессуальные права и обязанности.

Еще более детальным образом участие представителей в суде рассматривается в Псковской судной грамоте, также датируемой серединой XV века, где значительное место (4 статьи) посвящено только регламентации вопроса — кто может выступать представителем в суде. Согласно ст. 68 представителем не мог быть посадник, а ст. 69 устанавливает общую норму — всякое лицо, облеченное властью (властель), не может быть представителем в суде: «и всякому властелю за друга не тягаться...»¹⁰. Статья 70 определяет порядок представительства по делам о церковной земле. Статья 71 устанавливает, что судебному представителю (пособнику) в один день не разрешалось вести два дела: «А одному пособнику одного дни за два орудия не тягаться»¹¹.

Следует также упомянуть, что, кроме рассмотренного выше судебного представительства в привычном для нас смысле, Псковская судная грамота большое внимание уделяет регламентации такой специфической разновидности этого института, как участие представителей сторон (наймитов) в судебном поединке (поле). Такое внимание к этому вопросу, бесспорно, объясняется широким распространением этого вида доказательства вины. В статьях 21, 36, 119 Псковской судной грамоты определяется круг лиц, имеющих право поставить за себя наймита.

Таким образом, можно констатировать, что в судных грамотах уже налицо достаточно проработанная регламентация судебного представительства.

Дальнейшее развитие российского государства проходило в условиях феодальных войн, осложненных к тому же вмешательством извне. Все это требовало обеспечения феодальной эксплуатации, подавления крестьянских выступлений. В этой связи настоятельной необходимостью для государства стало укрепление начал розыскного процесса. Изданный в 1497 году Судебник («Законы Великого князя Иоанна Васильевича») впервые выделяет широкую, но мало определенную категорию опасных преступников — «ведомых лихих людей». В судопроизводство по делам этой категории лиц вводится розыскное начало с широким применением пытки и смертной казни в качестве наказания.

В Судебнике уже четко прослеживается противопоставление частного интереса потерпевшего от преступления интересу государственному, требующему уничтожения «ведомых лихих людей». Так, Судебник (ст. 8, 11, 39) содержит специальную оговорку, что «лихой человек» обязательно подлежит смертной казни и не может быть передан истцу для отработки долга даже в том случае, если у него не будет имущества для удовлетворения иска потерпевшего. Здесь, подчеркивает М. Ф. Владимирский-Буданов, в первый раз требования истца уступают требованиям уголовного закона¹².

Наряду с этим Судебник сохраняет состязательный процесс по уголовным делам о менее тяжких преступлениях. В этом случае отноше-

⁸ Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 304.

⁹ См.: Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. Вып. 1. Киев, 1876. С. 177.

¹⁰ Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 338.

¹¹ Указ. соч. С. 338.

¹² См.: Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. Вып. 2. Киев, 1880. С. 85.

ния сторон устанавливались челобитными истцов (обвинителей). Неявка в суд обвинителя влекла прекращение дела; неявка ответчика (обвиняемого) — признание его виновным.

Примирение обвинителя с обвиняемым (кроме, разумеется, дел о «ведомых лихих людях») допускалось в любой стадии процесса. Как видно из текста Судебника (ст. 5), стороны могли примириться даже во время судебного поединка: «А у поля стояв помирится...»¹³ Примирение влекло прекращение дела с уплатой судебных пошлин.

В XVI веке тенденция укрепления розыскного порядка в судопроизводстве еще более усиливается. Создаются специальные «губные учреждения», назначением которых была борьба против «ведомых лихих людей». Суть деятельности нового органа излагается, например, в Белозерской грамоте 1539 года следующим образом: «И вы б тех розбойников ведомых меж себя имати да обыскивали их, и доведчи на них и пытати накрепко, и допытався у них, что они розбивают, да тех бы естя розбойников бив кнутьем да казнили смертью»¹⁴. Аналогичный порядок сыска закреплялся и Судебником 1550 года (ст. 60).

По делам, не подлежащим ведению губных учреждений, сохранялся старый, то есть состязательный порядок процесса, с широкими правами сторон, собиравших и представлявших доказательства и имевших право примирения. За этим, состязательным, порядком судопроизводства теперь укрепляется наименование суда, в отличие от сыска, то есть порядка розыскного.

Изменяется и положение суда, усиливается его активность. Суд требует от сторон доказательств и сам принимает меры к их отысканию. Выражение «сыскати всякими сыски накрепко» становится самой употребительной формулой.

Относительно судебного представительства ни Судебник 1497 года, ни Судебник 1550 года не содержат каких-либо существенных новелл. В основном они развивают установленный еще Псковской судной грамотой институт представительства на поле. При этом Судебник 1497 года (ст. 49, 52), равно как и Судебник 1550 года (ст. 17, 19), расширяют круг лиц, мо-

гущих участвовать в процессе не лично, а через наймитов. Статья 4 Судебника 1497 года устанавливает, что наймиты (полевщики), представляющие интересы той или иной стороны, перед поединком приносили присягу (крестное целование).

Крупнейшим памятником российского права XVII века является Соборное Уложение 1649 года, по сути, первый в истории России систематизированный закон, нормы которого продолжали использовать даже в первой половине XIX века.

Глубинной причиной, обусловившей появление Соборного Уложения, была эволюция социального и политического строя России, надвигающийся переход от сословно-представительной монархии к абсолютизму. А непосредственными причинами его создания послужили вызванные экономическим кризисом городские восстания («соляной бунт» в Москве, восстания в Пскове и Новгороде), бунты закрепощенного в интересах дворян крестьянства, закрепление сословий на службу монархии. В этих условиях в области судопроизводства совершенно явной становится тенденция к возрастанию роли инквизиционного процесса (сыска) за счет вытеснения старого состязательного (суда), хотя суд по объему подсудности все еще стоит на первом месте.

По наиболее тяжким уголовным делам (разбой, душегубство, татьба, совершенные «ведомыми лихими людьми») законодатель уже не полагается на активность сторон, предписывая судье всеми способами доискиваться правды. Судоговорение превращается в допрос и «очную ставку». Примирение сторон не допускается (ст. 31 главы XXI Уложения). Если лицо, возбуждавшее дело (истец), начнет «сговаривать», то есть отказываться от выдвинутого им обвинения, то суд может подвергнуть и его пытке. Таким образом, одной из отличительных черт розыскного процесса становится полное процессуальное бесправие потерпевшего.

По делам, производившимся в порядке состязательного процесса, судьи после подачи челобитной вызывали ответчика. В случае трехкратной неявки ответчика иск удовлетворялся (ст. 117 главы X Уложения). Если ответчик являлся, а истец не являлся в срок и пропускал

¹³ Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 2 : Законодательство периода образования и укрепления централизованного государства. М. : Юрид. лит., 1985. С. 55.

¹⁴ Цит. по: *Чельцов-Бебутов М. А.* Указ. соч. С. 665.

еще неделю, то истец лишался иска, кроме крепостных дел (ст. 109–111 главы X Уложения).

При явке сторон судья, выслушав истца, допрашивал ответчика. Следовали возражения и опровержения. По делам, рассматриваемым в этом порядке, было возможно примирение сторон, но лишь до начала судебного разбирательства (ст. 121 главы X Уложения).

При рассмотрении соотношения в XVII веке суда и сыска необходимо учитывать, что состязательный процесс в чистом виде в это время уже не существовал. На это обстоятельство обращали внимание еще дореволюционные исследователи. Так, например, В. Сергеевич отмечал, что в суде нередко были элементы розыска. Они видны даже при разборе гражданских дел. В то же время отнюдь не все уголовные дела решались путем сыска¹⁵.

Соборное Уложение 1649 года знает и институт судебного представительства, не уделяя, правда, его регламентации большого внимания. Однако из текстуального анализа норм закона напрашивается вывод, что Соборное Уложение рассматривает данный институт как обычный, имеющий широкое применение на практике. Именно на это указывают содержащиеся во многих статьях Уложения, посвященных вопросам судопроизводства, формулы одного порядка: «...кого он в свое место к суду пришлет» (ст. 109 главы X Уложения), «...и в свое место к суду никого не пришлет» (ст. 108, 114, 115, 117 и др. главы X Уложения), «.. а к суду в свое место прислать ему некого» (ст. 108, 109 главы X Уложения). Полагаем, что не будет слишком большим допущением предположить, что законодатель того времени не посчитал для себя необходимым подробно останавливаться на регулировании этого института именно вследствие его обычности.

Русское законодательство до Соборного Уложения 1649 года, регламентируя тем или иным образом процессуальное положение судебных представителей, вместе с тем не различало представителей истца (обвинителя) и ответчика (обвиняемого). Соборное Уложение

сделало в этом направлении очень важный шаг. Теперь закон не только разграничивает представительство со стороны истца и со стороны ответчика, но и посвящает этим разным видам представительства отдельные, самостоятельные статьи¹⁶. Более того, Соборное Уложение установило для сторон различные основания для участия их представителей в судебном разбирательстве. Если согласно общим правилам ст. 108 главы X Уложения представительство ответчика допускается только в том случае, когда он «занеможет, и за болезнью ему в приказ итти будет некоторыми делы немочно»¹⁷, то представительство истца закон (ст. 109 главы X) допускает без каких-либо ограничений: «а самому ему в то время к суду итти не мощно за болезнью или за иным зачем»¹⁸.

Из норм Соборного Уложения следует, что представитель мог участвовать в судебном разбирательстве только вместо представляемого лица, но не наряду с ним. Представителем мог быть в равной мере и родственник, и посторонний человек: «...ему в свое место прислать в срок искати, или ответати кому верит» (ст. 108 главы X), «.. искати или ответати дети и братия, и племянники, и друзья, и люди...» (ст. 157 главы X)¹⁹. Кроме того, Соборное уложение (ст. 1, 2 главы X1V) допустило принесение присяги (крестного целования) за стороны их представителям («людям их»), в то время как все предшествующее законодательство исходило из личного участия сторон в принесении присяги.

В Соборном Уложении мы не находим практически ничего, что указывало бы на объем процессуальных прав и обязанностей представителей сторон. Единственное, на чем акцентирует свое внимание законодатель — это запрещение представителям отлучаться из столицы под страхом проигрыша дела при производстве «обыска» (опроса людей о спорных обстоятельствах дела) вне Москвы (ст. 156, 157 главы X). Закон специально оговаривает, что это делается для того, чтобы стороны и их представители не могли повлиять на опрашиваемых людей.

¹⁵ См.: Сергеевич В. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1903. С. 587.

¹⁶ Статья 108 главы X Уложения в общем виде регулирует вопросы представительства сторон в судебном разбирательстве. Но далее ст. 109 говорит только о представителях истца, а статьи 114, 115, 117, 118 — о представительстве со стороны ответчика.

¹⁷ Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 3 : Акты Земских соборов. М. : Юрид. лит., 1985. С. 113.

¹⁸ Указ. соч. С. 114.

¹⁹ Указ. соч. С. 113–114, 126.

Важным этапом в развитии российского законодательства стали реформы Петра I, значительное место в которых заняли и вопросы уголовного права и процесса. Переход к абсолютизму сопровождался стремлением к наиболее беспощадным, террористическим формам подавления любого вида сопротивления. В этом деле далеко не последнюю роль играла и судебная репрессия.

Суд был призван стать быстрым и решительным орудием в руках государства для пресечения всякого рода попыток нарушить установленный порядок. От судебных органов требовалось, чтобы они стремились не столько к уяснению истины, сколько к устрашению. Этим задачам и отвечало процессуальное законодательство Петра I.

Уже в начале своего царствования Петр совершает решительный поворот в сторону розыска. Именным Указом от 21 февраля 1697 года полностью отменяется состязательный процесс (старинный «суд») и вводится по всем делам процесс следственный, инквизиционный: «Суду и очным ставкам не быть, а ведать все дела розыском» (ст. 1 Указа)²⁰.

В марте 1715 года Указ 21 февраля 1697 года был дополнен и развит «Кратким изображением процессов или судебных тяжб», где Петр установил заимствованные из Западной Европы подробные правила розыска процесса. Изначально «Краткое изображение процессов» должно было регулировать лишь военно-уголовный процесс, однако, как указывают многие авторы, практика распространила его действие и на производство в иных, не военных, судах²¹.

В «Кратком изображении» еще сохранились некоторые элементы обвинительного процесса. Так, стороны именуется «челобитчик» и «ответчик» (в смысле обвиняемый). Закон формально приравнивает челобитчика (потерпевшего) к стороне процесса, поскольку, например его показание, не принимается в качестве полноценного свидетельского показания. Кроме того, закон говорит о рассмотрении судом сначала

доказательств, представленных челобитчиком, а затем доказательств, выдвинутых ответчиком. Для сторон сохранилась также возможность проявлять некоторую инициативу в движении дела, обмене челобитной и ответом, определении круга спорных вопросов и доказательств.

Однако в целом в «Кратком изображении процессов» «нашло себе место полное применение понятия следственного (инквизиционного) процесса...»²². Это проявляется в активности суда, преимущественном значении письменности, резком ограничении прав сторон (например, не предусматривались прения сторон и заключительное слово подсудимого) и формальной системе доказательств, сила которых определена законом.

Во всем судебном производстве на первом месте стоит почин суда: «Процесс есть, когда судья ради своего чина по должности судебный допрос и розыск чинит, где, каким образом, как и от кого такое учинено преступление» (ст. 2 главы 2 «Краткого изображения»).

Определенным диссонансом общей тенденции развития процессуального законодательства Петра I является Именной Указ от 5 ноября 1723 года «О форме суда». Указ отменяет розыск и делает суд единственной формой процесса: «не подлежит различать (как это прежде бывало) один суд, другой розыск, но токмо суд...» (введение к Указу). Однако фактически этот Указ не заменил собою «Краткого изображения процессов» для подавляющей части уголовных дел²³, а 3 мая 1725 года Сенат дал разъяснение, которое почти полностью изъяло уголовные дела из производства по Указу «О форме суда»²⁴. Таким образом, к концу царствования Петра I установился для основной массы уголовных дел чисто розыскной процесс.

Нормы, регламентирующие судебное представительство, содержатся практически во всех законодательных актах Петра, посвященных вопросам судопроизводства. А «Краткое изображение процессов» посвящает этому инсти-

²⁰ Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 4 : Законодательство периода становления абсолютизма. М. : Юрид. лит., 1986. С. 398.

²¹ См., напр.: *Бобровский П. О.* Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях. Историко-юридическое исследование. СПб., 1887. С. 2 ; *Латкин В. Н.* Учебник истории русского права периода Империи (XVIII и XIX ст.). СПб., 1909. С. 18–19 ; *Чельцов-Бебутов М. А.* Указ. соч. С. 709.

²² *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. СПб., Киев, 1909. С. 640.

²³ См.: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. С. 642.

²⁴ См.: *Чельцов-Бебутов М. А.* Указ. соч. С. 714.

туту даже специальную главу «О адвокатах и полномочных», состоящую, правда, лишь из одной статьи. Впервые в российское процессуальное законодательство вводится термин «адвокат», однако правовое положение адвоката совершенно не отличается от положения представителя по Соборному Уложению 1649 года. Как и прежде, адвокат выступает не наряду со стороной, а вместо нее. Он не является помощником челобитчика или ответчика, а лишь заместителем стороны. При этом представительство допускается лишь при наличии важных обстоятельств, делающих невозможной явку стороны в суд лично: «Хотя в середине процессу челобитчик или ответчик занеможет или протчие важные причины к тому получатся так, что им сами своею особою... явится невозможно, то позволяется оным употреблять адвокатов и оных вместо себя в суд посылать»²⁵. Однако закон делает специальную оговорку, что по розыскным делам участие адвоката на стороне ответчика не допускается, но «принужден ответчик сам своею особою ответствовать»²⁶. Такое ограничение вполне естественно, ведь в розыском процессе ответчик, по существу, перестает быть субъектом процесса, а становится его объектом.

Как и Соборное Уложение 1649 года, «Краткое изображение процессов» не содержит сколько-нибудь развернутой регламентации процессуального положения представителей сторон, их прав и обязанностей. Лишь единожды закон устанавливает обязанность представителей сторон присутствовать при даче показаний свидетелем, который вследствие удаленности места проживания от суда сам в суд явиться не может (ст. 16 главы 3 Второй части процесса).

Указ 5 ноября 1723 года «О форме суда» (ст. 7) существенно расширил для сторон возможность судебного представительства. Если раньше (по «Краткому изображению процессов») оно допускалось главным образом при болезни стороны, то теперь всякие ограни-

чивающие условия снимаются. Вместе с тем вводится институт доверенности («писма верующие»). По смыслу названной статьи Указа, права поверенного предполагаются равными по объему правам доверителя²⁷.

Преемники Петра I вплоть до Екатерины II не оставили существенного следа в судебном законодательстве. После противоречивых петровских законов в данный период новых процессуальных актов не издавалось. В это время окончательно исчезают последние остатки обвинительного процесса, розыск применялся по всем делам, устного судоговорения не было, чиновники «вершили дела», волокита, взяточничество, произвол, полное смешение административных и судебных функций характеризовали «отправление правосудия».

В этих условиях в 1775 году Екатерина II издает Учреждения для управления губерний, которые должны были создать единую систему административных и судебных органов на местах. Учреждения не являются процессуальным кодексом в точном смысле слова. Они не содержат ни описания отдельных процессуальных действий, ни системы процессуальных стадий, ни системы доказательств и способов их получения. Учреждения не отменяют старых процессуальных законов, а вносят лишь дополнения в ранее созданный порядок судопроизводства, исходя из организации новой системы сословных судов с делением их на первую, апелляционную и ревизионную инстанции. Уделяя большое внимание вопросам судоустройства, Учреждения вообще не касаются процессуального положения тех или иных участников процесса. Тем не менее упоминания, например, о поверенных сторон мы находим в целом ряде статей Учреждения, посвященных судопроизводству во всех без исключения судебных инстанциях (ст. 178, 204, 289, 320, 345, 364). Таким образом, институт судебного представительства, по-видимому, должен был иметь применение на практике.

²⁵ Российское законодательство X–XX веков Т. 4. С. 413–414.

²⁶ Указ. соч. С. 414.

²⁷ Интересно, что сам Петр I негативно относился к возможности участия в процессе поверенных сторон. М. Ф. Владимирский-Буданов в этой связи цитирует слова Петра: «нанимают за себя в суд... ябедников, воров и душепродавцев» (см.: Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. С. 640). По-видимому, практика судопроизводства настоятельно требовала допущения представительства, если при таком отношении Петр не только не ликвидировал его, как это случилось со многими другими политическими и правовыми институтами во время его реформ, но и в некоторой степени расширил сферу применения представительства.

В целом процессуальное положение сторон, равно как и их представителей, в продолжение XVIII и первой половины XIX столетий не претерпело существенных изменений со времени законотворчества Петра I.

Ровным счетом ничего не изменили в этом плане предпринятые кодификации законодательства, завершившиеся изданиями в 1832 и 1857 годах Свода законов Российской империи. Так, согласно Своду законов 1857 года истцам предоставлялось право жалобы, причем некоторые дела не могли начинаться без жалобы этих лиц (ст. 40–41 2-й книги XV тома); они не допускались к свидетельству под присягой, но могли находиться при приводе к присяге других свидетелей (ст. 237); родство их с судьей или близкие с ним отношения призна-

вались основаниями для отвода судьи (ст. 299–300, 334); истцы допускались к чтению выписок из дела; во многих случаях им разрешалось заканчивать дело примирением с подсудимым (ст. 41, 353, 384, 445). Но этим и ограничивались указания закона на участие истцов в уголовных делах²⁸. И. Я. Фойницкий, характеризуя уголовный процесс по Своду законов, указывает, что «не было и речи и о представителях сторон»²⁹, очевидно, имея в виду, что стороны не имели возможности воспользоваться помощью представителей в суде, т.к. последние могли лишь замещать стороны в процессе при невозможности их личного участия.

Следующим шагом в развитии русского процессуального законодательства будут уже Судебные уставы 1864 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бобровский П. О. Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях. Историко-юридическое исследование. — СПб., 1887. — 113 с.
2. Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. — Вып. 1. — Киев, 1876. — 230 с.
3. Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. — Вып. 2. — Киев, 1880. — 241 с.
4. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. — СПб., Киев, 1909. — 699 с.
5. Латкин В. Н. Учебник истории русского права периода Империи (XVIII и XIX ст.). — СПб., 1909. — 648 с.
6. Сергеевич В. Лекции и исследования по древней истории русского права. — СПб., 1903. — 675 с.
7. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. — Т. 1. — СПб.: Альфа, 1996. — 552 с.
8. Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. — СПб.: Равена, Альфа, 1995. — 846 с.
9. Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. — М.: Госюриздат, 1949. — 543 с.

Материал поступил в редакцию 12 февраля 2014 г.

THE VICTIM AND HIS REPRESENTATIVE AS PARTICIPANTS OF CRIMINAL PROCEEDINGS BEFORE THE JUDICIAL REFORM OF 1864

IUNOSHEV Stanislav Viktorovich — Associate Professor, PhD in Law, Associate Professor at the Department of Criminal Procedure and Criminology, Samara State University (SSU)
[svyunoshev@gmail.com]
443011, Russia, Samara, Akademika Pavlova Street, 1

Review. *The article offers an analysis of the historical development of forms of participation of the victim (plaintiff) and his representative in the domestic criminal proceedings since ancient times (from the Russian Justice) and up to the judicial reform by Great Emperor Alexander II in 1864. The study aims to identify trends and historical continuity in the regulation of*

²⁸ См.: Судебные Уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной Канцелярией. Ч. 2. Устав уголовного судопроизводства. СПб., 1867. С. 133–134.

²⁹ Фойницкий И. Я. Указ. соч. Т. 1. С. 36.

procedural status of the victim (plaintiff) and his representative, as well as depending on the procedural status of the victim from that adopted in a particular historical period form of court procedure.

The study was conducted using a comparative legal and historical methods based on the analysis of a wide range of historical and legal acts - international legal instruments Russia, Russian Justice, Codes of Justice of 1497 and 1550's, the Council Code of 1649, Code of the Laws of the Russian Empire and others.

It is concluded that the procedural status of the victim in a given period of development of the Russian state and law was most impacted by the adopted form of court procedure, that is, in the final analysis, the ratio of public and private bases with the administration of justice. If initially the course of the entire process fully depended on the will and discretion of the victim (the plaintiff), with the strengthening of the state, which, in that period, inevitably led to increased political oppression of personality, there emerges and develops a detective (inquisitorial) order, which makes the victim lose are any chances to influence the course of events.

Keywords: *victim, plaintiff, representative of the victim, criminal proceedings, procedural capacity, party to the criminal process, historical forms of court procedure.*

REFERENCES

1. *Bobrovskii P.O.* The laws of Peter the Great in the manuscripts and early printed editions Historical and legal study, St. Petersburg, 1887. 113p.
2. *Vladimirskii — Budanov M.F.* Readings on the history of Russian law Issue 1. Kiev, 1876. 230 p.
3. *Vladimirskii — Budanov M.F.* Readings on the history of Russian law, Issue 2. Kiev, 1880. 241 p.
4. *Vladimirskii — Budanov M.F.* Review of the history of Russian law, St.Petersburg, Kiev, 1990. 699 p.
5. *Latkin V.N.* Textbook on history of Russian law in the period of the Empire (XVIII and XIX cent.), St. Petersburg, 1990. 648 p.
6. *Sergeevich V.* Lectures and research on the ancient history of Russian law, St. Petersburg, 1903. 675 p.
7. *Foinitskii I.Ia.* The course of the criminal proceedings, VOL. 1, St. Petersburg, Alfa, 1996.552 p.
8. *Chel'tsov — Bebutov M.A.* The course on the criminal procedure law, Essays on the history of the court and criminal proceedings in the slave, feudal and bourgeois states, St. Petersburg, Ravena, Alfa, 1995. 846 p.
9. *Iushkov S.V.* Socio-political system and the law of the Kievan state, MOSCOW, Gosjurizdat, 1949. 543 p.